

(00:00:00) (Начало записи)

(00:12:35)

Олег Степанов: Мы сегодня собрались для того, чтобы обсудить такую тему. Семья — это фундамент экономики, культуры и общественного устройства. Обычно сейчас все-таки в голове у большинства людей сидит, что в лучшем случае семья — это важная вещь в плане демографии. Например, есть государство. В государстве чем больше граждан, тем лучше. Если граждан рождается меньше, чем умирает, то это плохо, потому что население стареет, оно убывает, и в конце концов когда-нибудь кончится, если дальше так будет продолжаться. Это все, что мы думаем о семье. Семья стоит в данном случае, даже если на важном достаточно месте, то на подчиненном месте.

Сегодня мне лично хотелось бы показать, что на самом деле семья является, скорее, причиной многих явлений, которые мы считаем первичными явлениями, и, может быть, чуть-чуть обсудить эту тему, поспорить, насколько это регламент нам позволит. Мне бы хотелось для затравки задать в зал вопрос. Только я хочу предупредить, что где-то я буду подходить, микрофон держать, две минуты на выступление зала, высказать свое отношение.

Есть такой вопрос. Что первое – курица или яйцо? Из яйца вылупляется курица, и поэтому яйцо причина курицы, или наоборот, курица высиживает яйцо, и поэтому она причина яйца. Семья и экономика, что первично? Что курица, а что яйцо в данном случае? Семья или экономика? Я в зал задаю вопрос. Кто может на него ответить коротко? Семья?

(00:15:10)

Реплика из зала: Семья. Она родилась раньше, чем осмысленная экономика.

Олег Степанов: Кто-то еще, может быть, скажет? Илья, вы не знаете ответ на этот вопрос? Хорошо. Тогда я спрошу первого выступающего. Оксана Осинина, автор и сооснователь вместо своей подругой замечательного проекта в Крыму «Живые дома», когда люди вместе не для себя, а для всех восстанавливают деревенские дома и совместно ими пользуются. Но кроме этого, она стала лауреатом конкурса «Женщины России» в номинации «Сохранение народного наследия». Она будет первым спикером, скажет свою тему доклада, но предварительно можешь ответить на этот вопрос. Семья и экономика. Что курица, а что яйцо?

Оксана Осинина: Конечно, семья, потому что семья подразумевает общность, единство не одного человека, а нескольких. Как ты можешь вести какую-то деятельность самим с собой, говорить об экономике? Поэтому очевидно, что семья, конечно, это начало начал.

Добрый вечер. Как кошка, которую пустили в квартиру первой. Начнем мы с такого, с одной стороны, легкого, а с другой стороны, очень базового. Я, с вашего позволения, буду читать то, что я написала, чтобы не теряться, и времени мало. Когда Олег меня пригласил и сказал тему Форума – демография, я начала думать, что я могу сказать, потому что я не могу ничего умного сказать про экономику. Про демографию мне тоже, по сути, нечего сказать, потому

что я размножилась на один пока. Не могу сказать, что я многодетная, но я думала-думала и поняла, как это связать. Сейчас я про это буду рассказывать.

Мой доклад называется «Нет семьи – нет Родины». Говорить мы будем о том, что сейчас уже у нас сложилась ситуация, в которой у нас – мы же будем говорить не просто про абстрактную экономику, мы будем говорить про экономику, которая относится к нашей стране, суверенную экономику. Весь форум, насколько я понимаю, тоже про суверенные экономики, про хозяйствование.

Ситуация сложилась такая, что у нас достаточно мало стало реально граждан страны, то есть граждан России. Все больше у нас появляется в стране клиентов, когда граждане ведут себя скорее, как клиенты компании или рынка. Очень много появилось, это стало заметно за последние 3-4 года, очень много появилось граждан брендов.

Я залезла в словарь и посмотрела, что такое слово «экономика». Олег мне про это тоже очень просто сказал. Слово «экономика» происходит от древнегреческих понятий «дом, хозяйствование» и «территория под управлением». Вроде очень просто, да? Я тогда поняла, что экономика – это про хозяйство и про хозяина. Это чувство вообще хозяина, оно может появиться только в семье. Где растёт хозяин? Растёт его в семье. Только у хозяина есть чувство дома, есть ощущение ответственности за территорию под управлением. Неважно, какого размера эта территория.

(00:20:02)

Ты хозяин своего дома, и у тебя шесть соток, и у тебя там все в порядке, или ты начинаешь ощущать себя хозяином за пределами своего дома. У нас ведь можно почувствовать себя хозяином, например, своего двора. Или, если мы говорим о власти, очень часто говорят «губернатор или хозяйственник хороший». Ты можешь быть хозяином области, ты можешь чувствовать себя хозяином своей деревни.

Это ощущение «я хозяин», оно про то, что тебе до всего есть дело, что ты не пройдёшь мимо чего-то, и все это имеет отношение. Человек может на улице идти-идти, увидеть какую-то бумажку, мусор или ещё что-то, и пройти мимо с мыслью, что кто-то должен за него это убрать. Но дома у себя ты мимо мусора никогда не пройдёшь, и мимо многих других вещей не пройдёшь. Ты все починишь, и не будешь сидеть ждать, когда кто-то тебе что-то сделает.

Труд для хозяина всегда добровольный. Через труд он реализует свою базовую потребность – созидание. У каждого человека это действительно базовая потребность. Может быть, мы ее не осознаем, но мы для этого рождаемся. Мы рождаемся для того, чтобы творить и сотворять вместе миры, среду. Это реально базовая потребность – созидать и творить.

Когда у нас нет в поле темы института семьи или вообще семьи нет, мы не растим хозяев, мы растим потребителей. Я подобрала здесь картинку, я ее поясню. Даже если просто абстрагироваться и представить, что у нас сейчас на входе, мы видим человека, который может идти по улице полностью в каких-то брендах и логотипах, и это считается очень круто. Про этого человека скажут, что у него жизнь удалась. Но если бы у нас такое

количество людей ходило с символикой своей страны, сейчас уже это воспринимается как норма, но буквально 3-4 года назад почему-то это не выглядело крутым. Почему-то принадлежать, условно говоря, семье какого-то модного бренда – это круто, а принадлежать к своей собственной семье Ивановых, Петровых или Осининых – это как-то не очень. За бренд мы гордимся, а за свою собственную семью – нет.

Без института семьи мы получили уже граждан брендов и клиентов страны. Слово очень интересное – клиент, которое тоже распространено. У нас раньше в Советском Союзе не было такого слова «клиент», в основном было просто слово «покупатель». Было все понятно, что у тебя за отношение с этим человеком, он у тебя что-то покупает.

Потом у нас пришло слово «клиент». Я с удивлением узнала, что это латинское слово «клиент» в Римской империи означало обедневшего гражданина, который за небольшую плату от богатого римлянина ходил с ним на форум, чтобы собрать сплетни, новости, похвалить благодетеля за завтраком, рассказать ему, что о нем люди говорят. Это клиент. И чем больше у тебя клиентов таких, когда ты выходишь из дома, тебе надо пойти покрасоваться, тебе надо всем раздать денег, чтобы за тобой вот эти клиенты ходили, и когда ты приходишь на общественное место – форум, ты крутой, потому что у тебя куча клиентов.

Вот что означало слово «клиент». Это было даже не покупатель. По сути, это социальный паразит, который ничего полезного не производит, а лишь обслуживает эго того, кто дает деньги. Мы сейчас это видим, когда люди ведут себя, называя себя клиентами какого-либо бренда. Они уже не покупатели, которые просто что-то покупают. Они уже становятся обслуживающим бренд механизмом, который получает от бренда какие-то преференции в виде подарочков или еще что-то.

Это очень гениальная хитрость, и провернули ее глобалисты. Сначала они ввели формулировку «клиент всегда прав» в контексте бизнеса, а затем очень ловко подменили бизнес на государство. Теперь у нас большинство граждан воспринимает собственную страну и государство как что-то, что им бесконечно должно.

Было такое, когда из каждого утюга нам говорили «клиент всегда прав». Потом это вдруг как-то незаметно ушло, но сама привычка воспринимать себя как клиентом осталась. Сейчас у нас эта привычка развернута. Бренды начали совершенно другие отношения выстраивать с теми, кого они раньше называли клиентами. Не всегда у них клиент прав, они могут и в очередь поставить, и очень пренебрежительно общаться.

(00:25:03)

А по отношению к своей стране и государству люди начали вести себя потребительски, как клиенты, и качать права, и все время бесконечно что-то требовать. В то время, когда граждане воспринимают свою собственную страну и государство как что-то, что им бесконечно должно, сами они брендам и корпорациям постоянно дают. У нас люди на всех уровнях и всех статусов берут у государства или берут дома, а дают брендам деньги,

внимание, ресурс, служение, лояльность, терпение, время жизни, принадлежность, верность.

Что мы обсуждаем в обществе? Мы обсуждаем верность каким-то компаниям, верность каким-то брендам, но мы практически не обсуждали верность своей стране и своей родине. Мы тоже видели все в 2022 году, как потребители готовы были отказаться от гражданства, лишь бы им сумку продали. Люди присягали брендам, мы это видели. Это то, что у нас существует на данный момент времени, как просто факт.

Иду к семье. Корпорации паразитируют на институте семьи. Они хитро подменили понятие, потому что базовая потребность человека – быть не только создателем, но еще быть частью большего и быть сопричастным, потому что счастье – это «я с частью», и я часть большего.

Очень много лет, десятилетиями мы слышали о том, что институт семьи якобы закончился, он не нужен. Но по факту его монополизировали корпорации, он никуда не делся. Нам просто 30 лет рассказывали, что семья нам больше не нужна, что этот институт развалился, его заменили кучей каких-то непонятных историй. Это был такой хитрый ход, чтобы перевести фокус внимания с одного, сказать, что семья не нужна. Но если мы сейчас посмотрим на то, что делают большие корпорации, что делают крупные бренды, они заменяют для людей семью. И рекламные кампании, и стратегии они выстраивают именно на потребности человека быть принадлежным к чему-то большему.

Даже на уровне информации у нас люди больше знают о новостях корпораций, чем о том, что происходит с ближайшими родственниками. Не только что происходит у корпораций, а и у тех людей, которые обслуживают корпорации. Эта вся фабрика звезд западная, она же абсолютно не самостоятельная. Это люди, которые обслуживают корпорации.

Наши люди, я уже три года возмущаюсь, ты открываешь любые наши медиа, Telegram-канал, ты не понимаешь, в какой вообще стране ты живешь, почему ты должна читать что-то про Бейонсе и вообще непонятно каких-то людей. У русскоязычных каналов контент практически на 70% состоит из новостей о корпорациях, брендах и западных звездах. Когда к ним приходят с просьбой про рекламировать или написать наши бренды, они говорят: «Вы же нам денег не заплатили». Те им не платят и не заплатят. Представляете, какая связь была установлена, какая приверженность. Насколько люди глубоко себя ассоциируют с этими брендами, что они готовы бесплатно рассказывать, а про своих они говорят: «Нет, только за деньги. Денег нет – ничего не напишем».

Быть частью большего – это базовая потребность человека. Если он ее не реализует прямо, через принадлежность к семье, роду, родителям, родственникам, родным, родине, он ее реализует через принадлежность к брендам. Он будет гордиться он тем, что носит сумку Chanel, не фамилию Иванов. Это очень тонкая и хитрая манипуляция на уровне ценностей, подмена этих ценностей по форме.

Зачем эта корпорациям? Затем, что потребитель может жить в любой стране мира, но фактически принадлежать надгосударственным структурам, зарабатывать в своей стране,

а тратить корпорациям. Что у нас происходит? Мы можем сколько угодно говорить о суверенной экономике, но у нас по факту люди больше не принадлежат странам. По большому счету, твои граждане твоего бренда могут жить по всему миру. Тебе не надо их свозить в одно место. Тебе надо, чтобы в их голове установилась некая принадлежность, и они будут все, что они заработали здесь, и все, что достали с того места, где они живут, будут отправлять в некую структуру, которая больше не принадлежит никакому государству.

(00:30:04)

Это структуры надгосударственные. То, что мы говорили, глобалисты, это надгосударственные структуры. Хотя физически они находятся на территории других стран, но по факту нет. У потребителя нет задачи хозяйствовать на конкретной земле. Нет задачи поддерживать родную экономику или родных производителей. Он принадлежит брендам и обслуживает бренды, и будет это делать, даже если он будет знать, что для его страны это невыгодно и губительно. Ему все равно. У него связь с брендами. У него идеология та, что через рекламу бренды внедрились. У него желаемый образ жизни тот, который он видел в рекламе.

Мы думаем, почему выходят законы, которые противоречат естественному развитию? Там же неглупые люди сидят. Например, параллельно сейчас идет про продовольственную безопасность. У нас какой-то закон вышел про курятники, где фактически, если его соблюдать, у нас никто не сможет просто курочек держать. Казалось бы, почему люди это сделали? Они что, не понимают? Они не глупые, они просто мыслят, как потребители. Там нет стратегии. Более того, эта стратегия не направлена на общественное благо. Там есть какое-то тактическое решение по тому, как сделать себе хорошо и пролоббировать что-то.

О какой суверенной экономике можно говорить, если нет своего суверенного мышления, нет граждан страны, есть потребители? Результат экономики потребления – это горы мусора, не только физического, но и информационного. Причем этот мусор оседает внутри той территории, где мы живем. Мы деньги и ресурсы отправляем в одном месте, а у себя дома мы производим горы мусора, в том числе и информационного, потому что потребитель – это такая штука, он как ребенок малый, его все время надо развлекать. Взрослый человек – созидатель, он пойдет и найдет, чем себя занять, он что-то сделает, создаст.

Потребитель ведет себя как маленький ребенок всегда, он очень инфантилен, и его надо постоянно развлекать. В том числе, поэтому у нас информационный эфир, неважно где – каналы, соцсети, все это завалено даже не увлекательными и не образовательными программами. В Советском Союзе людей не развлекали, их увлекали и вовлекали. Сейчас у нас очень много развлечений, потому что потребителя надо все время развлекать. Чем лучше ты его развлекаешь, тем чаще он к тебе обращается.

Результатом экономики заботы является процветание как отдельно взятых семей, так и стран и обществ в целом. Для экономики заботы нам нужны граждане с созидательным

мышлением, хозяйственным. Потребитель не хозяйствует. Потребитель всегда ищет тех, кто ему будет оказывать услуги, обслуживать, давать, и желательно еще безвозмездно. Потребительское мышление всегда детское, инфантильное.

Один из признаков того, что что-то происходит не в наших интересах, не в интересах территории и суверенитета, это когда нам бесплатно дают что-то быстро и легко, то, что вообще-то должно стоить денег. Но потребители об этом не думают. Они начинают это вводить, брать, брать, брать, и остановить это практически невозможно. Очень много таких вещей. Они выглядят как мелочи. Есть такая стратегия тысяч порезов, по-моему. Или другая штука есть, когда мы рисуем много-много-много точек, и вроде бы каждая точка не важна, но потом появляется из этих точек какой-то контур, рисунок. Эти мелочи, которые вроде бы нам быстро и легко дают и почему-то бесплатно, потом на большом круге могут выйти для нас очень-очень дорого. Но потребитель не думает об этом. Позиция же созидателя – это всегда взрослая, деятельная позиция, способная учитывать не только личный интерес, но и интересы общего блага.

Что это тренирует это вся вводная часть? Семья тренирует. Откуда у нас берутся созидатели и кто это? Они возвращаются в семье. Мы узнаем вообще, о чем я с Олегом говорила, что в семье у нас вообще появляется первый раз ощущение родненького, родного своего. Когда этого нет, мы не можем апеллировать к большинству глубинных, таких чувственных вещей. Если человек не знает, что такое родное, то ты не можешь его уговорить на это.

(00:35:06)

Сейчас идут разговоры по поводу чистоты русского языка и речи. В моем детстве была родная речь. Вообще была ценность слова родина, род, родня и этого ощущения «родненький». Когда у людей этого нет, они берут это только в семье. Когда этого нет, ты не можешь их замотивировать, заставить, поддерживать своих родненьких производителей или совершать выбор в пользу близких, потому что они для них не близкие. У них нет чувства родственности и нет чувства родни.

Ты им говоришь про чистоту русского языка. Можно, конечно, все запретить. А тебе отвечают: «А что? Ведь английский – это международный язык». Это, опять же, история про присоединение к чему-то большему. Всегда человек хочет присоединиться к чему-то большему. Либо он к родненькому присоединяется, к своему, к своему прошлому, либо он присоединяется к некой большой глобальной истории и начинает рассказывать про то, что английский язык международный, поэтому ничего страшного в том, что у нас 50% процентов... Я читаю рекламу в соцсетях, я не понимаю 50% того, что там пишется, потому что там все заменено на слова, мы просто обедняем сами себя.

Если мы говорим о том, что экономика наша – это хозяйствование, и она должна быть здоровой экономикой, это экономика заботы, а не потребления, еще одна условная выгода от семьи – люди вообще не очень любят заботиться о чужом. Для того, чтобы мы начали заботиться, мы должны начать ощущать это своим, мое. Это ощущение «мое», «свое», оно

не индивидуалистическое. Когда ребенок приходит домой, он чувствует, что это мой дом, или мой дом родителей. Он заботится потом, когда уже родители вырастают.

Если этого ощущения нет, и все вокруг чужое, невозможно никакую экономику заботы внедрить. Даже на каких-то банальных примерах, если у тебя есть ощущение, что ты везде дома, то ты и в отеле сама кровать заправишь. А если у тебя нет этого ощущения, и нет этого чувства хозяйствования, что в любой ситуации ты можешь проявить себя хозяйкой, то ты все время будешь ждать, за тобой все время кто-то будет ухаживать и обслуживать.

Люди не заботятся о том, что они считают чужим. Если нет института семьи, то нет и естественного расширения хозяйствования, от своей комнаты или шкафчика с игрушками, до своей деревни, города, страны. Нет института семьи – нет и тех, кто испытывает родственные, родительские чувства к родине. Без семьи вместо родины появляется «эта страна», и мы это слово «сочетание» тоже видели 3-4 года назад, оно было очень распространенным.

Если мы посмотрим, что было до этого, до этого как раз было как минимум десятилетие, где нам рассказывали из каждого утюга, что семья, институт семьи – все. Поэтому у нас вместо родины появилась «эта страна». Мы же не можем так же сказать – «эти родители». Мы не можем так.

Если мы говорим просто абстрактно про демографию, весь год говорили, что надо улучшать демографию, хорошо, надо. Но кого мы будем растить? Если у нас нет семьи и ценности семьи, то мы просто будем рожать и растить потребителей для больших корпораций. Само по себе количественное увеличение людей вопрос не решает, потому что эти люди, кого будут обслуживать, кому они будут служить, кого они будут любить, куда они будут вкладываться. Поэтому на первом месте все-таки стоит семья.

Без института семьи мы просто наплодим еще больше клиентов, обслуживающих интересы глобальных корпораций. А семья растит ответственных творцов и союзников. Кажется, где опыт просто обычной семьи, и где те серьезные вопросы, которые сейчас многие решают и столкнулись.

Я много раз слышала от собственников бизнеса, что сейчас просто какой-то сумасшедший кадровый голод. Особенно это связано с поколением 35 минус, с этим новым поколением. Это разные проблемы. Люди просто на один день приходят на работу и уходят.

(00:40:03)

Или ты в них вкладываешь, ты их растешь, они встают и уходят. Или при возникновении малейшего кризиса они встают и уходят. У меня просто в прошлом году дочь сама пошла первый раз на работу. Я все это на своем личном опыте наблюдала, когда каждые три месяца она хотела уйти. Я ей говорила: «Нет». Причины разные. Я объясняла, что это нормально, нормально переживать, подожди, год проработаешь, и тогда уже, может быть, ты подумаешь, стоит ли тебе менять работу. Я говорила ей об этом, потому что я понимала, что они просто не приучены, и у них нет понятия, что долгосрочные отношения строятся, в

том числе через преодоление кризисов. Нет вообще ценности об этом, потому что у нас все превратилось в товар. Человек превратился в товар.

Говорят, в некоторых областях, тоже вчера, по-моему, про статистику по семье, кто-то говорил, что есть у нас регионы в России, где количество разводов превышает количество свадеб. Почему? Это тоже нормально, потому что все воспринимают друг друга, нам везде со всех сторон объяснили, что если тебе что-то не нравится, ты всегда можешь это поменять. Неважно что. Ты можешь поменять работу, ты можешь поменять мужа или жену. Три месяца ты с ним прожила, он испортился, и его надо поменять на нового, потому что три месяца новый будет тоже хорошо работать. Можно менять.

Никто практически не говорит о том, что семья супер ценный навык сейчас – это умение выстраивать долгосрочные отношения, любые, семейные (это первые, где мы учимся) отношения, дружественные отношения, партнерские отношения. В конце концов, когда люди имеют этот навык и опыт, который они получают впервые в семье, они понимают, что, приходя, условно говоря, на работу, они должны преодолевать эти кризисы и выстраивать долгие и длительные отношения.

За 30 лет как раз выросло это поколение, которое не только не обладает необходимыми навыками, но даже не понимает, зачем они нужны. Когда ты начинаешь об этом рассказывать, я думаю, что люди, которым сейчас больше 40 лет, это прекрасно понимают. Тебе говорят: «Ты токсик». Ты говоришь нормальные вещи, тебе говорят: «Ты токсик».

Что мы получаем в здоровой семье, какие навыки, которые могут пригодиться, в том числе напрямую в экономике и напрямую в трудовом процессе? Как раз навык построения длительных, долгосрочных отношений. Благодаря этому навыку у нас сотрудники не бегают туда-сюда после первых конфликтов или кризисных ситуаций.

Дальше. Что мы узнаем в семье? Про то, что выгодно быть в союзничестве вместо того, чтобы быть во внутренней конкуренции. Когда старшие помогают младшим расти, они конкурируют с ними за ресурсы и власть. В СССР это было даже на уровне школы, когда отличники тянули троечников, потому что был важен общий результат. Сейчас каждый сам за себя. В компаниях это приводит к тому, что среднее звено не соединяет верх с низом, а конкурирует внутри коллектива, мешая расти тем, кто находится под их руководством.

Это вопрос и маленьких компаний, и очень больших, когда здесь у тебя все хорошо (на уровне государства у нас то же самое происходит), великолепный тезис сверху, абсолютная готовность это поддерживать, а в середине эта прослойка устраивает конкуренцию и не дает, и сами не туда, и этим не дает расти.

Осознание того, что общий результат стратегически важнее, чем личная выгода. В школе и в семье были такие веселые старты, когда всей семьей ты идешь, вроде бы это мелочь, но на самом деле это мелочи, которую потом тебе закладывают эти навыки, приучают человека на все 100% выкладываться в общий процесс, думая о командном результате.

Ровно то же самое делают в элитных мировых вузах, когда они занимаются греблей, абсолютно то же самое. Это и в семье, и здесь подкрепляют. Я когда это увидела в первый

раз, я подумала – это же гениально. Они приучают своих студентов, будущих управленцев, мыслить следующим образом. Ты можешь ненавидеть своего соседа, ты можешь с ним конкурировать, но если ты попал с ним в одну лодку, ты должен с ним грести в синхроне, иначе вы проиграете все. На таких маленьких вещах людей учат очень глобальным важным навыкам. Наверное, все.

(00:45:10)

Давайте я только итоги быстро подведу. Важно сейчас просто начать и опять вернуть понятие ценности семьи, не просто как какого-то абстрактного, а самого института семьи. Начать уже говорить, что он никуда не делся, он есть, с ним все в порядке, и забрать этот наш родненький институт семьи, на место его поставить. Забрать его у Nike, у Chanel и прочих корпораций и вернуть обратно туда, где это должно быть. Все.

Олег Степанов: Спасибо, Оксана. Я хотел бы обратить ваше внимание, что Оксана довольно оригинальную мысль высказала, что разрушается, с одной стороны семья, а с другой стороны, эта общность заменяется на такую корпоративную общность людей, транснациональных корпораций, даже наших крупных корпораций. Такие клиенты корпорации возникают вместо членов семьи.

У нас с Борисом, он будет выступать сегодня, проект «Россия-2062». Один из наших напминаемых русских мыслителей, это Николай Федорович Федоров, который говорил о том, что все начинается с осознания своего рода, с семьи, с земли. Невозможно ничего построить без фундамента. Если фундамент рушится, то рушится все остальное здание. Семья – это, можно сказать ДНК, ДНК всего: ДНК экономики, ДНК культуры, ДНК общественного устройства. Это фундамент. Когда рушится и трещит этот фундамент, то как бы ни цементировали стены, крышу латали и так далее, рухнет абсолютно все.

У него был принцип образования. Это принцип образования был у Песталоцци еще высказан и поддержан потом российским педагогом Ушинским, известным очень, что начинать историю надо с истории своей семьи всегда, своего рода, само преподавание истории, потому что члены твоего рода, они в разные времена участвовали в жизни района, уезда, губернии, страны. Тогда начинает понятной быть изнутри важность этой истории, твоя причастность к этой истории.

Есть такой директор школы, возродивший школу в заброшенном, уже умирающем селе, а сейчас это, наоборот, процветающее село, туда 450 человек переехало, Владимир Иванович Мартышин, Ивановская на Лехте. Он говорит, что мы историю начинаем с истории школьного двора. Сначала история школьного двора. Затем мы бросаем взгляд на деревню, потом на сельское поселение, на куст деревень бросаем взгляд, потом мы бросаем взгляд на район и таким образом мы начинаем преподавать историю всей страны и потом историю мировую.

Сейчас мы перейдем к следующей теме. Следующий выступающий будет у нас Сергей Дзюба, профессор экономики Дальневосточного федерального университета, доктор наук. Я хочу предварить, одним из нескончаемых источников познания для меня, удивительно,

я к этому все время возвращаюсь, была книга «Кембриджская история, экономическая история мира». Там через экономику, через экономическую статистику рассказывалось о мировых событиях истории.

Там была высказана такая мысль, что как только, начиная с Англии, промышленная революция и, соответственно, мировоззрение побеждало в какой-то стране, так тут же там начинала рушиться демография. Люди с точки зрения дохода, комфорта и так далее, начинали жить лучше, а демография становилась все хуже и хуже. Они переставали рожать детей.

Я предложил Сергею подумать над этой темой, почему хорошая экономика рушит демографию. Сергей очень интересно ответил темой своего доклада «Кризис демографии. Экономика не виновата». Он покажет, как в разное время по-разному было это отношение между экономикой и демографией, насколько я понял.

(00:50:25)

Сергей Дзюба: Прекрасно. Мне придется объяснить, что как раз тут экономика виновата во всех отношениях. Тезис, с которого я начну, что темпы роста населения снижаются во всех регионах. Чтобы мы ни говорили про Африку, Китай, Индию, это является сейчас всеобщим. Но если мы заглянем чуть-чуть назад, с 1820 года, тут требуется определенная насмотренность, что у нас до 20-го года рост линейный, в период с 20-го по 50-й он выходит на экспоненциальную траекторию, она такая становится загнутая. Потом в конце, кажется, что вроде бы как все по-прежнему идет вверх, но эти кончики снова становятся линейными. А линейные – это означает, что это у нас снижающиеся темпы роста. Чтобы это было видно более явно, этот сам хвостик уже с 1950 года по 2010-й, мы посмотрим не в самом росте, а в темпах. В темпах это очень хорошо видно.

Олег Степанов: Это же Индия, да?

Сергей Дзюба: Все те же регионы, которые были на предыдущем слайде, вот они все тут же и представлены. Индия зелененькая. Это какой-то там вот артефакт, явно в данных что-то там накосячили. Я не стал его исправлять. Ка к было, так было.

Олег Степанов: Это оффшутс?

Сергей Дзюба: Это АУКУС без Британии, то есть США, Канада, Австралия, Новая Зеландия. Эта картинка нам говорит о том, что ранняя индустриальная мальтузианская эпоха, до нее – это слабый рост населения, развитая индустриальная эпоха – это сильный, поздняя индустриальная эпоха и постиндустриальная – это возврат к слабому росту и потенциальной депопуляции.

В доиндустриальную эпоху, я уже перехожу на более циничный экономический язык, в том смысле, что не нужно думать, что я утверждаю, что это единственный мотив, который определяет количество детей в семье. Экономика дает сильный мотив, неявный, подсознательный зачастую, не всегда рациональный, но, тем не менее это только один из мотивов, который в данном случае имеет хорошую объясняющую способность.

Другими словами, дети играют ту же роль, что сейчас мы называем сбережениями. Больше детей – это более обеспеченная старость. Это логика индустриальная, доиндустриальная. Отсутствие детей – это нищета при потере трудоспособности. Количество детей ограничивается только проблемой пропитания и высокой детской смертностью.

Дальше технологии, технический прогресс сначала снял ограничения. Точнее так. Сначала заметно снизилась детская смертность, затем химизация системно устранила проблему голода. Заодно, как дополнение, эта возрастающая траектория, которую мы видели, я практически уверен, что это как раз революция в сельском хозяйстве. Иными словами, если мы сейчас убираем ту химию, о которой мы говорим, что она токсичная и все такое прочее, то нужно понимать, что мы тогда по численности населения вернемся на эту линейную траекторию, которая предшествовала этой экспоненциальной. Это миллиарды, миллиарды и миллиарды людей. То, что позволило сначала стартовать численности населения, а теперь...

Олег Степанов: Извини, я вставлю пять копеек. То есть ты можешь «Римскому клубу» посоветовать, как можно без ограничения рождаемости, вернуть (00:55:05) экспоненциального роста?

(00:55:06)

Сергей Дзюба: «Римский клуб» – это вообще такая тяжелая история. Они напророчили того, чего потом не случилось. Но, тем не менее, у них репутация великих мыслителей все равно осталась. Они предсказывали о том, что загрязнение станет причиной деиндустриализации уже где-то в 80-е годы, чего не произошло, и это совершенно спокойно проскочило.

Те же самые технологии, тот же самый технический прогресс потом приводит к падению темпов роста населения по причине, что дети стали теперь более производительными. Для того, чтобы обеспечить тот же самый уровень доходов, тот же самый уровень сбережений, который тебе обеспечит старость, теперь тебе просто нужно меньше детей.

Второй момент – увеличился период иждивения для обучения. Для того, чтобы дети стали производительными, их нужно учить гораздо дольше и больше, чем в доиндустриальную эпоху. Благодаря этих технологиям дети стали более производительными и более трудозатратными.

Олег Степанов: У «Римского клуба» это сформулировано прямо – финансовая стоимость ребенка. Сейчас Сергей говорит о том, что изначально ограничивала смертность детская и проблемы питания. Как только проблема питания была решена путем химизации сельского хозяйства, был этот экспоненциальный рост рождаемости. Поскольку дети не нужны теперь для того, чтобы на старости обеспечивать родителей, а сами они стоят дорого, то та же самая индустриализация приводит к снижению.

Сергей Дзюба: Да, но только не просто повышается стоимость, но повышается и производительность. Для того, чтобы ребенок был производительным, в него нужно вкладываться на совсем другом уровне.

Заключительный слайд говорит о том, говоря языком сообщества «Россия 2062», что технический прогресс просто перевел детей из контура нужды в контур созидания. Теперь наша задача, в частности, я бы так для себя сформулировал, что задача экономистов, в частности, моя как экономиста, задача, то, о чем говорилось в предыдущем докладе, долгосрочность решений, переход от конкуренции к сотрудничеству, чтобы это появилось в экономической теории как ее неотъемлемая часть, как то, что позволяет изменить механизмы и, по крайней мере, снять эту ауру конкуренции как наиболее эффективного механизма распределения ресурсов и всего такого прочего. Все. Спасибо.

Олег Степанов: У меня реплика. Может быть, ты скажешь, что это не перспективно и не интересно, а может быть, наоборот. Был такой русский экономист Александр Васильевич Чаянов. Он у нас записан в кооператоры, у него табличка на лбу теперь прибита «кооператор». На самом деле, если вы читаете его работы, там о кооперации совсем мало, можно сказать, ничего, а там о семейном трудовом укладе. Это очень интересно, потому что он математически показывал увеличение как раз пропорции между иждивенцами и трудящимися в крестьянской семье. Изначально, пока много иждивенцев и мало трудящихся, она увеличивает производительность крестьянского хозяйства.

Причем там статистика была, не как сейчас в Росстате, отсталая такая организация, уже почти в маразме находящаяся, а там статистика была земская. Там люди с секундомерами стояли, с весами, все мерили. Это была настоящая статистика. Он показывает рост производительности. Как только начинает меняться вот это соотношение иждивенцев в семье и трудящихся, потому что дети подрастают, родители умирают, например, так тут же начинает падать производительность труда.

(01:00:04)

Он две кривых смотрел, что некий уровень потребления является оптимальным с точки зрения трудозатрат, кривые пересекаются в некой оптимальной точке. Для того, чтобы всех в семье накормить картошкой, крестьянин готов расшибиться в лепешку. Для того, чтобы есть мясо каждый день, он практически не готов работать. Три раза в неделю – это достаточно. Для того, чтобы подарить жене бриллиантовые серьги в уши, он не готов пошевелить ни пальцем, и начинает падать его трудозатраты в семье и производительность.

Почему он называл это семейно-трудовым укладом? Для людей был некий баланс нормальный. Он это называл не капиталистическим укладом хозяйства и не социалистическим, а основанным именно на семье, когда в семье у людей было чувство оптимальных трудозатрат. Кроме этого нужно было поговорить с соседом, посмотреть на небо, поковырять носу, полежать на печке, сходить в лес и так далее. Это такая экономичная жизнь.

Сергей Дзюба: Это эквивалент того, что всех денег не заработаешь, но современная жизнь, говоря языком предыдущего доклада, выстроена так. Когда у тебя крестьянское хозяйство, ты можешь сам это регулировать. Когда у тебя бизнес, ты его не бросишь. Современный

человек уже потерял навык такого переключения. Это то, что должно жить в контуре созидания, это умение, этот навык.

Олег Степанов: Хорошо. Значит, все-таки экономика разрушает демографию?

Сергей Дзюба: Не то, что даже сама экономика. Я там говорил про технический прогресс. Технический прогресс сначала ее создал, потом он же ее и убил меня.

Олег Степанов: Мы сейчас послушаем докладчиков всех, и в конце как раз пройдемся по вопросам. Сергей Чесноков, основатель фонда «За жизнь». Мне кажется, как раз время подумать о соотношении социальной политики, экономической политики и культурной политики в государстве. Предыдущие докладчики отдельно об этом говорили. Если Оксана в большей степени сосредоточила свой доклад на культурной политике, каким образом взаимоотносятся семья, культура и экономика, Сергей Дзюба говорил об экономике. А Сергей Чесноков о соотношении этих трех сфер.

Сергей Чесноков: Благодарю за приглашение. не так часто доводится выступать перед экономистами, перед экономической публикой, на экономическом форуме, но тем мне интереснее. У меня тема «Баланс между семейной, демографической и экономической политикой». Олег сказал, что я пришел к теме демография от практики. Мы занимались помощью беременным, работали в «В защиту жизни».

(01:05:03)

Наш вклад нашей организации в демографию – более 17 тыс. деток, здесь часть фотографий. Но когда мы занимались решением проблемы аборт, нам все время говорили, что надо смотреть комплексно. Мы, в конце концов, действительно в это поверили и поняли, что так это все действительно и есть. Мы обобщили практики по профилактике абортов. Даже был создан при Минздраве проект «Плюс один». Вся тема с помощью беременным зашла в тело и плоть государственного организма, где сейчас и находится.

Мы как бы двигаемся дальше и стали заниматься вопросами демографии, поскольку выбор сохранять беременность или не сохранять, он очень похож на выбор рожать ребенка или не рожать, заводить или не заводить. С Финансовым университетом нами создано совместное предприятие, таких немного. В социальной сфере, наверное, единственный МИП (малое инновационное предприятие), которое называется «Демографические стратегии». Мы ищем, в том числе и на данном форуме, технологических партнеров, что очень непросто для такой темы, как демография.

У нас разработана такая методология «Круг жизни/Народопоток», о которой можно будет прочесть в книжке. Недавно вышла книжка, я ее с удовольствием подарю организаторам Олегу и Борису. У меня с собой есть экземпляры. Но сейчас не об этом.

Мы делали при поддержке Корпорации развития Дальнего Востока и Арктики мониторинг в двух пилотных регионах. В частности, Амурская область. Красным – это там, где плохо, зеленым – это там, где более-менее хорошо. Но совсем зеленого нигде нет, отлично.

Сферы: соцполитика, здоровье, жизненное пространство, экономика, просвещение, культура, управления. Здесь периоды биографического времени человека согласно предыдущей сфере. Мы смотрим, где проблемы.

Мы видим, что в демографии отдувается за всех соцполитика. В основном хорошо только в соцполитике. В экономике все очень плохо, в жизненном пространстве тоже плохо. В других регионах схожая ситуация. В культуре какая-то борьба идет, какие-то проекты ведутся, но тоже красное и удовлетворительное поле.

На экране слайд – это представление современного демографа, руководителя комиссии по демографии Общественной палаты Рыбальченко. У нас политики так распылены. Есть демографическая политика где-то сбоку, есть социальная политика, есть семейная политика и где-то на стыке многодетная семья, очень маленький узкий сегмент. У нас сознание не просто раздвоено, оно расстроено. Государственная политика тоже вся расстроена, к сожалению.

Нужно собрать эту пирамидку и понять, что же в основании – экономика в основании, или семья, или соцполитика. Может быть, действительно, социалкой надо всех вытаскивать и не думать ни про какую семейную политику, экономику. Я для себя эту пирамидку до сих пор не собрал. Пока я ее вижу так, что в основе все-таки в нашем обществе должна быть экономика, экономическая политика, потом демография и потом уже социальная политика. Но для меня этот вопрос совершенно не решенный. Мне кажется, что нам эту пирамидку надо всем как-то в голове подвигать и поразбирать, как правильно строить.

Что касается взаимоотношений демографической и социальной политики, здесь мне более-менее все понятно. Нам, во-первых, из этого расстроенного состояния нужно навести фокус, чтобы демографическая политика стала в основу социальной политики, потому что в традиционном обществе именно семья была основой демографии. Если семья не выполняет своих функций, появляются брошенные взрослые, брошенные родители, брошенные дети, брошенные инвалиды. Тогда обществу придется заниматься этой социальной сферой и заниматься решением этих проблем.

В идеале нам нужно привести так, чтобы у нас была демографическая политика, которая постепенно на периферию вытесняла бы социальную политику, чтобы все эти негативные явления все-таки решались внутри семьи. Это по взаимоотношению демографии и социальной политики.

(01:09:58)

Но самое интересное – это взаимоотношения демографии и экономики. Это те принципы, которые у нас существует в отношениях между государством и семьей. Здесь схема, как у нас сейчас построена господдержка семьи. Государство – это неживая система. Семья – это живая система. Сейчас у нас государство по своей привычке предлагает живой системе семье свой собственный любимый принцип – сделка, который взят из экономики во многом современном государствам.

Получается, что семья должна преодолеть некий путь. У нее впереди маячит стимул в виде какого-то пособия или материнского капитала. Этот стимул она получает только тогда, когда она достигнет этого пути. Потом она должна отдышаться, решиться на следующего ребенка и опять преодолеть путь. Только в конце пути она получает опять некий стимул. Мало того, что это стимулирующая поддержка, это еще и компенсаторная, она только постфактум работает.

Как у нас было в нашем обществе, когда мы демографически были успешны? У нас действовал принцип «в дар». Он действовал причем мотивирующе упреждающе. Когда молодая семья вступала в брак, она получала от общины дом, то есть упреждающе. Не тогда когда у нее родилось 5 или 10 детей, а когда она только становилась как семья. Получается, даже не стимул, а на самом деле это был дар. Никакого договора при этом не заключалось. Это мотивирующее действие было в начале, и оно давало импульс семье, оно обязывало. Доверие обязывает больше, чем контроль. Оно обязывало, и дальше семья рожала ребенка. Если переносить это на современную политику, потом должен следовать другой «в дар», потом третий и так далее. Тогда у нас расстояние между этими шагами будет существенным образом сокращаться, потому что мы не будем отдышиваться, передышиваться и чего-то ждать, а мы уже получаем некий импульс.

Должно принципиально измениться отношение между семьей и государством. Это вопросы экономики. Как это будет выглядеть, если переносить это на всю демографическую политику? Во-первых, надо переосмыслить само понятие «семьи». Должно появиться понятие «растущая семья». Если что-то ограничивается, то уже смерть. Если мы ограничиваем беременность, это уже аборт, выкидыш или еще что-то. живое не терпит никаких остановок и никакой прерывности.

Тогда надо переосмыслить растущий дом. У нас есть технологии сейчас растущего дома, когда дается 40 метров, и в генплан заложена уже возможность дальнейшего расширения пространства по мере рождения детей. Это должна быть государственная программа, малоэтажная многометражная Россия. Точно также и капитал должен быть переосмыслен. Во-первых, как семейный, во-вторых, как растущий, чтобы это был единый капитал, и по мере рождения детей прогрессивно увеличивалась государственная поддержка, потому что сейчас совершенно несправедливая ситуация, что детей становится больше, нагрузка больше, поддержка не увеличивается до сих пор. Надеюсь, что в новом нацпроекте все-таки это будет учтено, и оно уже учитывается.

Эту всю программу нельзя запустить по принципу стимулирования, надо включить всю систему культуры. Что было в общине? В общине поддержка была до революции безусловная, там община мотивировала к рождению детей. Сейчас мы не сможем на весь народ перенести это родовые отношения. Они у нас, можно констатировать, в большинстве своем разрушены. Чтобы опять вернуться к ним, нужно чтобы народ взял на себя ту же функцию, которую несла на себя община. Народ должен семье оказать безусловную мотивирующую поддержку.

У нас есть такой пример. В советское время мы получили обязательную систему среднего образования. Попробуй не перейди в следующий класс. И учителя, и родители, и бабушки, и дедушки, все скажут- что такое, второгодник. Если мы в образовании смогли создать эту систему, почему мы ее не сможем с создать в демографии? Вот примерный эскиз того, как она могла бы выглядеть.

Олег Степанов: Бабушки, дедушки должны молодым родителям, которые родили ребенка, все должны говорить: «Что, когда следующий-то»? Второго родили и так далее. Я сейчас шучу.

Сергей Чесноков: Не только бабушки и дедушки. Это должно быть общее настроение ожидания, должна быть вся сила культуры. У нас есть сейчас понятие «Герои нации». С десятым ребенком получается такое звание. А где у нас промежуточные звания до десятого ребенка?

(01:15:11)

Олег Степанов: Секундочку, у нас просто есть «Герои нации».

Сергей Чесноков: Давайте поаплодируем.

Олег Степанов: Пожалуйста, Маша, Саша, помахайте руками.

Сергей Чесноков: Какие красивые герои у нас. И молодые, между прочим, совершенно. Как до «Героя» дожить и дойти? Почему нет промежуточных званий? Вступили в брак. Это уже «Надежда нации», уже ожидание. Дали им эту квартиру из 40 метров, этот дом. Первый ребенок родился – раз смогли, значит, «Здоровье нации». Дальше пошли звания, и с каждым званием пакет поддержки как со стороны государства, так и со стороны общества, и со стороны бизнеса, корпораций, общественных организаций, конфессий. Попробуйте вспомнить название хоть одного пособия сейчас, кроме материнского капитала.

Олег Степанов: В баню бесплатно раз в неделю. Многодетным.

Сергей Чесноков: Если мы говорим про экономику, то в экономику надо включать ресурсы всего общества, а не только соцполитики. Мы на примере той же Амурской области проанализировали бюджет на демографию. Вот сейчас бюджет 6,4 млрд в Амурской области. Чтобы до среднероссийских стандартов дотянуться, нужно еще там 2,8 млрд, а чтобы выйти на опережающее демографическое развитие, к мировым показателям, 1,86. Но в целом бюджет не превышает 10 млрд в соцполитике.

Внизу, для примера, инвестиционный портфель Амурской области 464 млрд, во сколько раз больше. Получается, что этот ресурс у нас не задействован. Хотя почему бы не включить в инвестиционные проекты, в каждый проект какой-то раздел по демографии? Эти деньги и так будут затрачены, но они будут затрачены, в том числе на демографию, которая даст эффект через 5, 10, 20, 25 лет.

Еще другой инструмент. Опрос по поводу роли НКО. У нас россияне, оказывается, доверяют НКО, но при этом не считают, что НКО приносит пользу. Почему? Потому что у НКО нет ресурсов. До сих пор не разработана система взаимодействия бизнеса с НКО. Бизнес не

может сам решить проблему. Он мыслит так же, как неживая система, так же, как государство, а НКО ближе к живой системе. Это и есть переходное звено между живым и неживым. Но НКО действует без ресурсов, соответственно, нужны какие-то новые акселераторы.

Наша демографическая платформа – это такая попытка создания акселератора, только по-русски, не тогда, когда все из проектов два-три победителя, остальные офсайдеры и лузеры, а каждая инициатива важна, каждый проект важен и нужно просто смотреть, кто до какого уровня дорос.

Здесь на слайде показано участие бизнеса. Мы посчитали, 10 только ключевых способов участия бизнеса в демографии, задействованы только три способа. Ресурсы бизнеса до сих пор не задействованы.

Самое главное, что государство у нас сейчас пытается, и лидер нации призывает к решению проблемы демографической, но пока не будет капиллярного эффекта, сердце не сможет прокачать кровь. У нас капилляры берут больше половины усилий всего организма. Для этого должна быть задействована сила и НКО, и общества, и каждого гражданина, и экономики, и бизнеса, лидеров мнений. Нужно, чтобы весь организм задышал, капилляры прочистились, а иначе можно изучить, какие последствия от болезни капилляров.

Нашу концепцию мы изложили в работе с названием «Народопровод». Нефть и газопровод мы охраняем каждый вентиль, а главный ресурс человеческий, демографический мы разбазариваем, и никакого ни общественного, ни государственного контроля у нас за самым главным ресурсом нет. Этому посвящена как раз книга. Ее можно скачать по ссылке, можно в дар получить несколько экземпляров, которые здесь есть. Я в дар организаторам с удовольствием передаю. Спасибо.

Олег Степанов: Спасибо. Я хотел как комментарий сказать, у нас тоже при «России 2062» есть институт русских исследований. Мы смотрели на данных переписи населения, 2020 корреляции между некоторыми факторами, смотрели, какие сильные корреляции между рождением детей и фактором.

(01:20:23)

Один из абсолютно очевидных выводов, это было видно по кривым, что между доходом на человека и между количеством детей нет никакой корреляции, это отрицательная корреляция. Чем выше доход человека, тем меньшее количество детей. Между чем и чем была просто очевидная корреляция? На графиках всегда из левого нижнего угла идет в верхний правый, это между проживанием в индивидуальном доме.

В этом смысле, может быть, даже Сергею тоже, у вас же тоже исследовательская организация, эту корреляцию можно посмотреть. Между всеми факторами корреляция либо отрицательная, либо не очевидная. Очевидная она только в одном. Когда люди живут в собственном доме, то корреляция там была очевидна по данным переписи.

Есть такая тема, я хотел как раз вот ею, вопросы все-таки потом, завершать нашу сессию. Модная тема. Мне эти все слова не нравятся, потому что они из западного неолиберального дискурса. Но эти слова, может быть, надо просто переосмысливать и забирать себе. Слово это называется «социальный капитал». Это попытка Коуза вернуть сделать экономического человека, эту модель Homo economicus сделать не просто потребителем, рост потребления – это его единственная мотивация в жизни, и в экономических моделях только это учитывается, а еще какие-то социальные связи. Очевидно, что наши социальные связи все-таки влияют на экономику и на результаты нашей деятельности, потому что экономика, в конце концов, это взаимосвязи.

Но интересно, в этом понятии социального капитала есть бондинговый социальный капитал и бриджинговый. У нас декан экономического факультета МГУ, он такой проводник западных идей в нашу экономику, рассказывает, там как раз говорится о том, что бондинговый капитал, если по-русски сказать, это капитал связей. Это капитал связей родственников, между друзьями и так далее. Типичный пример, когда в Москве человек оказывается без денег, проводили такой эксперимент, он своим друзьям говорит: «Слушайте, дайте денег, у меня нет».

Москвич собирает половину примерно от той зарплаты, которую он имел, по всем друзьям. Мы представляем себе уровень жизни человека. Миллионер, конечно, найдет какие-то сотни тысяч, а человек, который получает зарплату... понимаете, к доходу, который для людей, для близких людей очевиден. А, например, на Кавказе человек собирает в пять раз больше денег, чем его доход. Это размер этого бондингового капитала – капитал твоих родственников, друзей и так далее.

А бриджинговый капитал – это доверие. Это доверие к институтам власти, это мосты. Доверие к институтам власти, доверие к чужим людям. Измеряется этот капитал, что характерно по социальным опросам. У человека берут интервью, задают ему какие-то вопросы. «Вы доверяете неграм?» – «Да, конечно, я доверяю неграм». – «Вы доверяете арабам?» – «Я доверяю арабам». – «Вы доверяете своему правительству?» – «Я доверяю своему правительству». – «Вы хорошо относитесь к сексуальным меньшинствам?» – «Прекрасно отношусь к социальным меньшинствам». По результатам этих измерений, социального бриджингового капитала лидирует страна Скандинавии. Они же лидируют по проценту самоубийств в обществе.

(01:25:02)

Это удивительная история, когда прекрасный мир, где ты всем доверяешь абсолютно, ты из этого прекрасного мира в реальности уходишь путем самоубийства. Бриджинговый капитал существует, но это скорее таким образом измеряется забитость идеологическая мозгов, когда у тебя какой-то социолог берет интервью и ты, конечно, говоришь ему все правильные, хорошие вещи, которые отовсюду, как говорила Оксана, из всех утюгов тебе вещают

Я как раз считаю, что основой является этот бондинговый капитал. Это реальные связи, реальная основа. Это то количество человек, условно говоря, которые за твоим столом собираются в твой день рождения, в Новый год. Еще много, как можно измерять бондинговый капитал. Мы этим занимались, это очень интересно. Но именно бондинговый капитал является той основой, на которой потом можно строить, все что угодно, в частности, экономику.

В качестве живого примера бондингового капитала я хочу позвать, рассказать об этом своего друга, партнера, многодетного отца, как и я. Боря, привет!

Борис Акимов: Как положено в программе «Поле чудес», я хочу передать привет папе, маме. Нет, на самом деле Олегу хотел передать привет и воспользоваться случаем порекламироваться немножко. Завтра в семь часов вечера, здесь недалеко, на Мясницкой в «Фаворе» мы с Олегом снова будем вещать, представлять серию книг наших. Тут, видите, Николай Федоров, а там будет книга, посвященная Чайанову, и Константину Леонтьеву, и Сергея Булгакову, Достоевскому. Мы прошлый год прожили с Олегом не зря, написали шесть книг.

Николай Федорович Федоров, наш любимый учитель, основатель русского космизма, уже поминался сегодня Олегом. Я хочу тоже его упомянуть, потому что он стоит в основе того дискурса, о котором мы разговариваем, о чем я тоже буду говорить, о чем говорила Оксана, когда говорила о человеке-потребителе, о человеке-созидателе и семье как следствии жизнедеятельности человека-созидателя.

Следуя примеру Олега, он начал с того, что задал вопрос залу, я тоже хочу задать вопрос. Викторина даже я бы сказал, чтобы разнообразить нашу жизнь. Кто ответит правильно, тому книжку подарю. Какая на самом деле должна была быть фамилия у основателя русского космизма Николая Федоровича Федорова?

Реплика из зала: Гагарин.

Борис Акимов: Правильно. Он был внебрачным сыном князя Гагарина. Это очень красиво и символично. Человек, который основал русский космизм, был учителем Циолковского и родил всю теорию освоения космоса, и в конце концов Гагарин полетел в космос, у фамилия была на самом деле Гагарин.

Еще я хотел сказать по поводу выступления Оксана. Я вспомнил анекдот как раз про созидание и творчество, с одной стороны, а с стороны, потребление. Есть анекдот насчет семьи. Муж жена прожили вместе 70 лет. Им 90 с чем-то лет. Журналист приехал к ним и спрашивает: «Скажите, пожалуйста, как вы так смогли 70 лет прожить вместе? Так не делают, не принято, вообще странно». Они говорят: «Мы такие старые уже. Мы просто родились и жили в ту эпоху, когда старые вещи еще чинили, а не выбрасывали». Мы здесь пытаемся жить какой-то жизнью, когда проявляем эту заботу, чиним пространство вокруг себя, пусть семейное или какое-то домашнее, или пространство страны, и тем самым какую-то человечность проявляем.

Тема называется «Семья как основа освоения русского пространства». Я буду мало теоретизировать, я просто расскажу вам несколько небольших практических историй. Во-первых, кто я такой? Я родился и жил в Москве. Некоторое количество лет назад я уехал в деревню со своей семьей.

(01:30:01)

У меня четверо детей. Правда, двое подросли уже и переехали обратно в Москву в институт. Может, они вернутся обратно, надеюсь. В какой-то момент мы все переехали туда, там до сих пор там живем. Деревня маленькая, дороги там не было вообще. Сейчас мы ее как-то более-менее сделали, обживаем пространство. Зимой там нас, кроме нас, только два дома живут в этой деревне. Школу мы открыли в Переславле, вместе с нашим сообществом. Я там учительным историей стал, выбрали меня старостой деревни. В общем, я такой живой представитель семейного освоения своего пространства, собственной страны.

Причем надо сказать, что таким я был, понятно, не всегда. Я родился и жил в центре Москвы. Когда в бытность еще предпринимательскую, был такой бизнес LavkaLavka, связанный с торговлей фермерскими продуктами. Я очень любил вещать. Сейчас я тоже вещаю, видите. Тогда я тоже уже вещал, и в том числе говорил, что у нас такая страна, так много фермеров новых классных. Они молодцы, они уезжают из городов, осваивают пространство. Мы все должны, быть как они, потому что они герои, осваивают свою страну.

Но сидел я где-то внутри Садового кольца при этом и чувствовал себя я несколько неуютно. Я думал, я это говорю, говорю, а сам-то что? В конце концов, все-таки жизнь так сложилась, повернулась. Не только по этой причине я переехал, но это был приятный бонус, что теперь могу вещать со стороны переселенцев и тех, кто осваивает, по-честному.

Когда мы говорим про семью, для меня всегда по какой-то причине сложились определенные семейные, семьей было не только моя семья: папа, мама, мои братья, сестры (я в многодетной семье родился), или моя жена и четверо детей, или братья, сестры, дети. Но не только.

Я тут расположил на карте моих предков, про которые чуть-чуть быстренько потом расскажу, которые наследили на просторах страны и сначала Российской империи, до этого Московского княжества.

Олег Степанов: Борь, а я хочу обратить внимание, почему нас не заселен Дальний Восток? Это же даже по своей истории семьи, надо было Акимовых туда побольше напихать.

Когда мы с Олегом начали работать в сфере развития территорий, следовало, много ездить по всяким закуткам нашей родины, приезжаем мы в Мурманск, предположим. Не только в Мурманске, но и Дальнем Востоке, мой дедушка основал коррозионные станции. Под Мурманском в Дальних Зеленцах она до сих пор существует. Я ему говорю: «Мы сейчас в (01:33:03) приехали, а тут Дальние Зеленцы по соседству. Там основал коррозионную станцию мой дедушка». Потом мы едем в Адыгею, я говорю: «О, станица Даховская, это же мой прадедушка основал, Василий Александрович Гейман». Потом мы приезжаем в

Алексеевку, Белгородская область, тут мой прадедушка основал ремесленный учитель. Везде «наследили». В какой-то момент мне уже неудобно.

С героем, с которыми мы снимали фильм, все время мы ездим по стране, снимаем кино, я говорю: «А тут какой-то предок...». Я понимаю, в какой-то момент это выглядит уже, как какая-то бредятина, я просто что-то придумываю. Не может быть такого, что везде какие-то предки, родственники какие-то. Тем не менее, это так. Я не думаю, что я исключение. Многие говорят: «У меня в деревне все жили всегда». Может быть, так иногда бывает, но даже у таких людей часто это не так, они этого не знают.

Это ощущение, когда ты едешь в Белгородскую область, в Адыгею, на Дальний Восток, в Мурманск, в нынешнюю Брянскую губернию, в Томск, куда-то, везде ты видишь следы жизнедеятельности твоих предков, то возникает то самое ощущение, про которое Оксана говорила, дома. Когда мы говорим «наша страна», то словосочетание замыленное какое-то. Что значит наша? Не ваша, не их, это моя страна. Видите, мои предки, моя семья построила эту страну. Это не значит что моя только единственная семья, но в том числе. Я могу говорить о себе, что моя семья построил Россию. Это круто. Она обустроивала Россию. Россией дала им шанс обрести себя. Кто-то стал генералом русской императорской армии, будучи на самом деле выходцем из евреев-кантонистов.

(01:35:05)

Он не должен был, просто бедный еврей, а он стал генералом-лейтенантом, героем, наместником Абхазии. Иван Алексеевич Мантьев, мой прапрадедушка, наверху который с крестом, он возглавлял в Великом Новгороде телеграф. Первая телеграмма в России была пущена из Новгорода в Питер, по моему, под его руководством. Усатый, который в Алексеевку переехал, с длинными усами, очень гордился своими усами, Владимир Агафьевич Акимов, основал ремесленное училище. Он был переселенец из Москвы, за 120 лет до меня он уехал из Москвы туда, и там обустроивал ремесленные училища. Там родился Борис Акимов, мой дедушка, в честь которого потом меня назвали.

Получается, что они устраивали страну с одной стороны. С другой стороны, ведь страна давала им это пространство, давала им возможность проявить свой человеческий потенциал, творческий, созидательный потенциал. Она очеловечила.

Олег Степанов: Экономический потенциал, я бы сказал, в том числе.

Борис Акимов: Да. Она очеловечивала их, а они очеловечивали собой пространство вокруг себя. То, о чем тоже говорят русские космисты, и Федоров, и Булгаков. В чем задача человека, цель человеческой жизни? В очеловечивании природы, в очеловечивании вселенной, внесение разумной жизни в энтропию и природный хаос. Они занимались совершенно разными делами. Кто-то воевал, кто-то был директором училища, кто-то композитором стал. Нина Георгиевна Гейман-Александрова, она родилась в Тбилиси, а потом она в Швейцарии училась, консерваторию закончила и вернулась потом домой в Россию, здесь преподавала ритмику по завещаниям педагогической швейцарской школы. Такой был Далькроз знаменитый в начале XX века.

Это ощущение корней, ощущение семьи, оно напрямую связано с ощущением пространства. Почему? помните, такая знаменитая фраза Александра III, что у России нет друзей, у нас только два союзника – армия и флот. Но на самом деле там есть еще продолжение. Он говорит: «Наши огромности бояться». Как следствие жизнедеятельности людей, мы создали русских людей, мы создали самую большую страну в мире.

Это важное экзистенциальное утверждение. Наша страна – самая большая страна в мире, пока Трамп Канаду не присоединил. Надо пользоваться. Потом они будут говорить – у нас самая большая страна в мире. Мы такие – о, клево, надо переезжать в самую большую страну, там возможности. Мы сейчас находимся в самой большой стране мира. Она появилась не потому, что инопланетяне прилетели и нам просто подарили это, не потому, что определенный царь царей, император сказал, что надо построить самую большую страну в мире. Вообще не было такой сверхидеи, которая передавалась от какого-то царя, правителя к другому, что надо самую большую построить страну. Такого не было.

Это сделали просто наши предки, наши прародители. Это сделали мы, если говорить про семью как большой институт. Это сделали наши семьи, это сделали мы. Это значит, что для русского человека движение в пространстве имеет антологический характер. Если он не движется, если он не осваивает, если он не действует, он перестает быть в принципе человеком. Он расчеловечивается.

Семья – это тоже пространство. Мы движемся в географическом пространстве. Это значит, что мы проявляем свою человечность, созидательную энергию, силу, значит, мы её проявим и в других пространствах, и в пространстве семьи тоже. Если мы сидим на 35-м этаже, в квартире-капсуле, и ничего не осваиваем вообще, то у ни семьи не будет, ни самой большой страны в мире не будет. А если мы будем двигаться по стране, то значит, мы будем создавать семьи, и в следующий раз встретимся в 2062 году. Нет, пораньше, в 2038-м, в 2037 году! Только он уже для XXI века, во второй половине века, должен позитивную коннотацию. К 2037-му году была решена демографическая проблема в России. Все стало прекрасно. Люди покинули мегаполисы, активно осваивали пространство, рожали много детей, и 2037 год стал поворотным. Такое будущее я хотел бы видеть. Спасибо.

(01:40:10)

Олег Степанов: Я опять в циферках комментариев хочу дать к Бориному рассказу. Мы сейчас пытаемся крутить какие-то модельки экономические, где включен созидательный момент, и крутить их в циферках, которые хорошо видны на графиках. Я тоже думал, выступить, не выступить, но я понял, что четверо для полутора часов оптимально, иначе никто ничего не скажет.

Борис Акимов: Поэтому ты все время молчишь?

Олег Степанов: Я хотел какую-то презентацию сделать с графиками, но потом решил, не буду. Но я так могу сказать, потому что ты об этом говоришь. Мы на 89 регионах Российской Федерации смотрели на социальную сложность семьи, на экономическую активность и на результаты этой экономической активности и социальной активности (когда ты создаешь

семью большую, и у тебя много детей, это твоя социальная активность), на результаты в виде дохода и виде пространственной сложности, насколько освоено пространство региона. Я сейчас не буду говорить, как мы это высчитали. Я делал доклад на экономической конференции, к экономистов вопросов к этому не было.

Там видно, что в тех регионах, в которых с этой социальной основой, семьи, со сложностью семьи, где разные поколения в семье, где и старики, и дети, их просто прет, понимаете? Почему здесь много дагестанцев, почему много чеченцев? Потому что у них есть род. На графике видно, их прет, они распираются в пространстве. То же самое происходит с теми регионами, где в мире не разрушена семья и рода, их просто прет в регионы, они занимают пространство собой.

Когда-то точно так же было с русскими. С семьей и с родом было все в порядке, просто распирало, перло и огромную территорию освоили. Вот что я хотел сказать. Может быть, у кого-то были вопросы? Давайте, только две минутки.

Глеб Тюрин: Спасибо большое. Глеб Тюрин. Я хочу к двум докладам адресоваться. К докладу Чеснокова, я забыл имя, и к докладу Бориса Акимова. Мне кажется, что в этой конструкции существенно не достает общины. Мы должны услышать, что общины на Западе научились воссоздавать. У нас сейчас какая-то неолиберальная доминирующая концепция, что есть такой устойчивый процесс, который называется депопуляция, урбанизация. В некоторых странах это совершенно не так работает. У них есть экономический рост, благосостояние и очень высокий СКР почему-то. Но у них есть религиозность и есть община вдобавок к этому.

Общины в Америке воссоздавали русские. Общины в Израиле создавали приехавшие из России евреи русские и русские, ставшие евреями. Давайте воссоздадим русские общины, поставим это как цель, потому что во всех тех сферах, о которых мы говорим, это один из ключевых.

Олег Степанов: Если это вопрос, то тогда, наверное, Сергей должен на него.

Глеб Тюрин: Это не совсем вопрос, это дополнение.

Олег Степанов: Может быть, Сергей ответит?

Сергей Чесноков: Я абсолютно согласен. Когда были сильные соседские общины, сообщества, религиозные общины, то была высокая рождаемость,. Но сейчас для того, чтобы это воссоздать, нужна некая подпорка. Сейчас государство слишком много всего забрало у семьи, и чтобы обратно вернуть это семье, нужно, чтобы государство пошло на этот шаг. Поэтому у нас вот этот концепт «Народопровода» — это некое переходное звено, позволит восстановить живую ткань общества.

(01:45:01)

Реплика из зала: Недавно прочитал замечательное произведение Василия Шукшина «Я пришел дать вам волю». Рекомендую всем почитать. Малоизвестное его произведение, роман. Один из героев романа, советник Пугачева, на современный лад, простой

воронежский мужик говорит: «Вы мужика не трогайте. Он сам и устроится, и нарожает детей. Не надо трогать мужика». Эти слова пронзительные в романе Василия Шукшина очень задели.

На самом деле, современная 20-летняя практика показывает, когда не трогаешь мужика, простого человека, 20-летняя практика родовых поместий, которые уже существуют в России, несмотря на трудности, проблемы, она показывает, что люди начинают этот демографический показатель, так называемый, на порядок улучшать. Представляете, этот демографический показатель в 10 раз больше, чем в среднем по стране. Вот населенный пункт такой, там так вот. Что это такое? Вопрос такой. Есть ли в планах аналитиков, есть ли в планах ученых исследование такого феномена? Я сам занимаюсь тележурналистикой и на блогерском поле ничего, кроме очень робких попыток анализа этого движения родовых поместий, нет. Одни лишь, к сожалению, слухи. Пожалуйста. Мы могли бы подискутировать на эту тему.

Олег Степанов: Прослушал вопрос. Вопрос был, я просто у тебя прошу помощи, потому что это блогерское поле я хуже знаю, чем ты. Как вас зовут? Алексей Андреевич, 17 внуков, что вызывает уважение, спросил, есть ли какие-то исследования научные или, например, какая-то социальная активность в сетях, связанная с возрождением не обязательно родовых поместий. Это какой-то конкретный проект, насколько я понимаю? Исследование феномена родовых поместий. Я, честно говоря, слышал много раз про родовые поместья, но никогда не сталкивался и не исследовал. В данном случае, может быть, кто-то знает что-то об этом? Сергей, например, или Борис, или Оксана. Тоже не знаете? Наверное, слышали. Такое впечатление, что есть какие-то маргинальные явления, а может быть, это не маргинальные явления, а очень интересные.

Борис Акимов: Тут было бы говорить даже о нашем опыте, когда мы на территориях работаем, мы видим, что когда создается некий аналог того, о вы говорите, некое сообщество людей, объединенных какому-то принципу. Например, упомянутая школа в Ивановской на Лехте в Борисоглебском районе Ярославской области, там сообщество образовалось вокруг школы. Это способствует тому, что демографическая проблема в отдельно взятых кусте деревень решена.

Олег Степанов: Еще я могу привести пример, что немного поселений в России которые возникли. Одно из них возникло тоже вокруг школы «Орион». Люди сначала поселились, и потом попросили признать их поселением. Такое сообщество какие-то зернышки, когда они падают, причиной неравновесных процессов, которые...

Сергей Чесноков: К фразе «Оставьте русского мужика в покое». Мы делали мониторинг Архангельской области и к удивлению обнаружили, по классификации «Четырех России», четвертую Россию на юге северов, не только в Архангельской области, но и также и в Коми, и в Мурманской области.

(01:50:17)

В деревне рождаемость с 2008 года до ковида выросла с двух с половиной до четырех-пяти на одну женщину. Причем, переезжая с юга, например, в тот же Архангельск, там рождаемость близится к единице. Там все, там молодежь уже не рождает. Что там произошло? Нужна экспедиция, нужно исследовать этот феномен. Мы думали, что только Тыва, Чечня, Дагестан, такая многодетная семья в деревне. Оказывается, русское село, именно на юге северов. На севере Вологодской области уже нет такого феномена.

Олег Степанов: Интересно. У нас было такое исследование, которое тоже имеет отношение. Мы выделили категории семей – трое детей выше, посмотрели результаты двух переписей, по-моему, 2014 год и 2020, могу ошибаться, в динамике. В динамике как раз получается, что количество таких семей, у которых детей больше трех, а еще в большей степени больше четырех, оно растет во всех регионах Российской Федерации. Да, количество детей падает в целом, потому что те, кто рожали одного, могут вообще не рожать, те, кто рожали двух, могут рожать одного, люди не создают семьи.

Но именно мода есть. Там прирост не 10%, не 20%, а там прирост 200-300%. Если на явление посмотреть не оттуда, а поближе порассматривать, то получается, что есть категория людей, и ее все больше, больше и больше.

Женщина из зала: [REDACTED] (01:52:38)

Олег Степанов: Нет, 89 регионов Российской Федерации, и во всех одна и та же история.

Реплика из зала: Олег Владимирович, я хотел сразу три вещи обсудить. Во-первых, вы сказали, что в Скандинавии, где бриджинговый капитал более развит, бондинговый, самый высокий процент самоубийств. На самом деле, я очень сильно удивился, полез в статистику, он один из самых низких в Европе, в два раза ниже, в России, ниже, чем в США, но выше, чем в арабских странах. Из чего можно сделать такой вывод, что в России он один из самых высоких в мире. Возможно, что когда вас разрушается постепенно бондинговый капитал, но не возникает хороший бриджинговый, то уровень самоубийств самый высокий. На перепутье, уже разрушены связи межпоколенные, расширенной семьи, родоплеменные, а доверие не возникло или на очень низком уровне.

Олег Степанов: Спасибо за вопрос. Я впервые недели две назад столкнулся с этой статистикой, которая опровергает то, что в скандинавских странах наибольшее количество самоубийств.

Реплика из зала: Нет, это неправда.

Олег Степанов: Поскольку лазим в интернет, с этим вопросом надо разобраться. Есть статистика, которая говорит о том, что это так, и есть, раз вы ее нашли, статистика, которая говорит о том, что это не так. Здесь ничего не могу сказать по поводу статистики. Это вопрос, требующий обращения к документам.

Реплика из зала: А ВОЗ не является для вас аргументом? Она собирает всю статистику.

Олег Степанов: ВОЗ – это черт с рогами. Не потому, что я за мировое правительство или еще что-то такое. Я вам приведу пример моего разговора с биологом Андреем Петровичем

Козловым. Этот человек создал в конце 80-х годов скрининг на ВИЧ первый в мире, поэтому в СССР банки крови не были ВИЧ-инфицированы.

(01:55:04)

Он до сих пор заведующий лаборатории в Российской Академии Наук. Он сказал, что организация, которая всеми силами сопротивлялась созданию скрининга на ВИЧ, это Всемирная организация здравоохранения. Он считает, что эта организация – первая организация, которая наносит огромный вред здоровью людей. Он говорит, раз создан был скрининг на ВИЧ, он мог создать и лекарство. Слава богу СССР, оно не слушало Всемирную организацию здравоохранения, поэтому было создано. Сейчас то же самое происходит со всеми пандемиями. Он говорит, там креста негде ставить. Эта организация способствует транснациональным корпорациям, их успеху, их экономической деятельности. Я к ВОЗ не имел никакого отношения, никакого с ними контакта, и вы тоже, насколько я понимаю.

Рнеплика из зала: Я профессиональный демограф, я изучаю статистику. Если вам не нравится ВОЗ, вы можете посмотреть официальную статистику этих стран. ВОЗ просто собирает ее в один документ.

Олег Степанов: Я понимаю вас прекрасно. Я со статистикой как раз имел дело. Я тоже понимаю это. Надо смотреть методологию сбора статистики. Мы должны посмотреть методологию и оценить, какова методология, как считается.

Реплика из зала: Да, я посмотрел и оценил. Могу утверждать, что это достоверные данные.

Олег Степанов: Для того, чтобы вам поверить, я тоже должен ее оценить или вы должны ее сейчас рассказать.

Реплика из зала: Это первое. Второе. Вы все время оперируете переписью 2021 года. Я вас разочарую, она настолько плохого качества, что без критического переосмысления и анализа и исправления ошибок, ей пользоваться, к сожалению, нельзя. Она показала, что в Москве якобы более половины домохозяйств – это одиночки. Такого быть не может. На самом деле это ниже сорока доля, но теперь мы точно не узнаем сколько. Это печаль и беда. Но это быстренько.

Я хотел Сергею тоже рассказать, что вам не нужно делать никакое полевое исследование. Эти 4-5 детей на женщину в статистике появились из артефактов. Дело в том, что поскольку нас молодежь мигрирует сильно в города, она постоянно уезжает в города, возвращается около четверти или трети обратно в свои села. Перепись прошла качественно и юге севера российском. Миграция в России учитываются крайне плохо, она вообще не видит этих переездов туда-сюда практически. Поэтому эта выемка в пирамиде поехала наверх. Студентам было 18-19 на момент переписи. Дальше через восемь лет им стало 25-26. якобы их осталось так же мало, как зафиксировала перепись, они просто отсутствовали на этот момент. Но они за это время приехали, родили детей. Число детей, которые они там родили, разделилось на половинное, на четвертное число этих женщин, которые якобы туда не приехали. Это просто артефакт, мы это исследовали. Так что можете не делать

экспедицию туда. Это артефакт. Но могу сказать, что на русском севере рождаемость действительно чуть-чуть повыше, чем на русском юге, то есть Черноземье.

Что в Архангельской, Мурманской области, Карелии и Коми перепись проходит чуть ли не честнее всего в стране. В Вологодской области нет, поэтому в Вологодской области вы такого и не обнаружили, потому что там часто население выдумывали из головы на перепись. Почему она повысилась на бумаге? Что такое рождаемость? Это коэффициент. У вас в числителе число родившихся, в знаменателе у вас население. Если у вас занижено в три раза население, у вас получится коэффициент не два, а пять. Так оно и получилось.

Олег Степанов: Ребят, понятно, мы сейчас спорить....

Реплика из зала: Мы с этим в Росстате разбирались и разобрались.

Олег Степанов: Мы не можем сейчас, но вопрос понятен, это интересно. Ребята, к сожалению, организаторы уже просят это дело закончить.

Анна: Последний вопрос.

Олег Степанов: Давайте последний.

Анна: Я скажу очень быстро. меня зовут Анна Николаевна, я семейный психолог. Я скажу со своей позиции. Упомянули книгу Василия Шукшина. «Оставьте мужика в покое, и он разберется». Не говорит ли это о том, что нужен здоровый патриархат в его здоровом проявлении? Чем дальше мы от этого уходим, тем у нас больше падает рождаемость.

(02:00:03)

Здоровый патриархат, веками проверенный, церковью одобренный, когда отец, когда мужчина – это прародитель. Ведь мужчине, чтобы был главным и ответственным, ему нужно быть главным. У меня на консультациях женщины жалуются на мужскую безответственность. Как он может быть ответственным, когда он не главный? Мы уходим от этой здоровой системы. Ведь посмотрите, страны и народы, в которых этот здоровый патриархат, там везде хорошая рождаемость. А в странах, где матриархальный уклад, как раз рождаемость очень маленькая.

Может быть, нам нужно просто вернуться к Богу, к семье, к здоровому патриархальному укладу? У такое искажение, что нас женщины все кричат, что у нас патриархат, они все заколебали, мужчины, у нас патриархат на самом деле. Конечно, это не так.

Олег Степанов: Спасибо. Понятно, что вы говорите. Я бы так сказал даже, что в семьях всегда был сам большой, но была и большуха. У них были разные сферы. Это нормально как раз. Когда человек имеет опыт, когда человек отвечает за какую-то сферу, все его слушают. Это нормальная история. Последний, Глеб.

Глеб Тюрин: Я создал Telegram-канал неделю назад, который называется «Демография.ру», мы уже собрали команду, я приглашаю вступить. Одна из тем там будет роль отца, нужно вернуть отцов, потому что их разрушили, и нужно создать новое представление о семье, нужно создать представление об общине как о некоем социуме,

который поддерживает семьи, потому что семей без общины не бывает. Заходите, «Демография.ру».

Олег Степанов: Ребята, спасибо огромное всем. Кто не успел сказать, извините.

(02:02:22) (Конец записи.)